

рассказ

Ольга Ефимова

Когда приходит ангел

149

Я – МУХА. Высохшая, безжизненная муха в серой паутине. Открываю тяжёлые набрякшие веки, и взгляд упирается в паутину в углу. Иногда спрашиваю себя: «Откуда в этой стерильной высокооплачиваемой палате взялась старая паутина с засохшей в ней мухой?» Странно, почему санитарка, с педантичной аккуратностью убирающая мою палату три раза в день, никогда не смотрит в этот угол. Наверно, муха – это символ, символ всех тех, кто умирал на больничном ложе. Я тоже умираю. Меня приговорили к смерти самые выдающиеся онкологи города. Никакой операции, химиотерапии и заграничной клиники – поздно.

– Месяца два, от силы три, – сказал седой профессор и посмотрел на меня, как на подопытного кролика.

Обычно такой диагноз сообщают близким больного, чтобы сразу не вводить обречённого в состояние комы, не видеть истерики или, наоборот, протрации. А у меня нет близких. В этом огромном мире, населённом шестью миллиардами людей, я – одна. Молодая, красивая, успешная бизнес-вумен... стерва, как говорят у меня за спиной. Такой я была ещё месяц назад, а теперь – муха, высохшая, безжизненная муха в

серой паутине. Не нужна никому, даже пауку, который забыл меня в брошенной паутине. Ни о чём не думаю, ничего не хочу и не спрашиваю у Него, Того, что Наверху, почему я. Зачем, если ответа всё равно нет?! Я живу, пока ещё живу, от укола к уколу, от накатывающего приступа мучительной боли до спасительного забытья. А в забытье вспоминаю своё прошлое, у меня нет будущего, но прошлое ещё со мной...

Ко мне приходит мама. Она ушла совсем недавно, но с того света, если он, конечно, существует, жалеет меня. Теперь я это чувствую, а раньше редко вспоминала о самой родной душе, когда она была осязаемой, говорящей со мной. Я отмахивалась от неё, от любого проявления заботы, даже редкие мамы звонки приводили в раздражение, ведь она ухитрялась беспокоить меня в самые неподходящие моменты. Мама извинялась, бормотала что-то в своё оправдание, я говорила сухо и жёстко, как с подчинёнными: «У меня совещание, что ты хотела?.. Спишь плохо – вызови доктора, в хорошую клинику позвони, не крохоборничай, я оплачу...» У успешной бизнес-вумен столько дел, ни одной минутки свободной.

Теперь времени у меня навалом, если не брать в счёт стремительно тающие дни жизни, и мама – частый гость, приходит и сидит у изголовья. Мама, мамуля, мамочка. Скромный библиотекарь, которая родила дочку, как тогда говорили «для себя», женщина, которая не знала мужской любви и жила книжными романами и страстями выдуманных героев. Она назвала меня Марианной, по имени героини Жульетты Бенцони – любовницы Наполеона, блестящей певицы и покорительницы сильной половины человечества. Наверно, мамочка, которая прожила бесцветную, несуетную жизнь, втайне мечтала о яркой судьбе для единственной дочери. Из своего имени я извлекла одну выгоду, имя делилось на две части, и в зависимости от обстоятельств я звалась либо Анной, либо Мариной. Мама звала меня Маришей, Фанис – Анютой.

Фанис – это тоже прошлое, хотя жив-здор и счастлив, как мне думается. Бывший муж, с которым я прожила долгие восемь лет. Были ли они счастливыми? Казалось, да. Никогда не забуду, как нам было по-настоящему тепло в однокомнатной хрущёвке Фаниса. Полуголодное существование начинающего журналиста и студентки-второкурсницы воспринималось как само собой разумеющееся. Пару раз в месяц мы закатывали пир с варёной картошкой, хрустящей квашенной капустой и селёдкой, посыпанной маринованным лучком. И мечтали о завтраках с красной икрой. Мечтала я и обещала Фанису, что однажды всё так и будет.

«Фантазёрка моя», – смеялся он и чмокал в нос. Фанис тогда не знал, на что способна его юная жена.

Бизнесом я занялась сразу по окончании института. Мгновенно мы не обогатились, но жить от полочки до полочки перестали. Первую машину я купила к своему юбилею – двадцатипятилетию, тогда же в автосалоне встретила свою «золотую жилу». Алик Ганиев был моим одноклассником и вечно влюблённым в меня очкариком. Я никогда не воспринимала его всерьёз, замечала, лишь

когда возникала необходимость списать домашнее задание или подготовить реферат. Алик безропотно давал мне свои труды, краснея, поправляя очки и пытаясь завязать разговор. Получив желаемое, я хлопала его по вихрастой макушке: «Ступай, Ганеш, тебя ждёт верный комп, мне к завтрашнему дню нужен доклад по биологии»... За эти годы одноклассник мало изменился, остался таким же нескладным, худым, с очками на переносице, которые от смущения без конца поправлял. Запинаясь на каждой фразе, он рассказывал, чем занимается сейчас, и меня словно толкнуло. Я живо представила себе, как можно поставить на поток то, что так вяло протекало у Алика. Дело обещало сказочные прибыли. Дома я перерыла весь Интернет, сделала несколько звонков осведомлённым людям и, вдохновлённая, на следующий день уже обрабатывала Ганиева. Он сразу поверил мне, без оглядки бросил прежних работодателей, и его гениальный мозг заработал на благо компании, которую я создала на базе своей прежней небольшой фирмы. Через пару лет Алик стал не нужен. Не могу даже вспомнить, когда и по какой причине он уволился из компании. Что ж, мавр сделал своё дело...

Когда мы переехали в огромный коттедж в элитном посёлке, Фанис в очередной раз заговорил о ребёнке.

– Ты сошёл с ума, – сказала я. – Ты хоть знаешь, сколько у нас конкурентов? Если я перестану уделять компании столько внимания, сколько уделяю сейчас, останемся ни с чем.

– Я мог бы заняться делами сам, – настаивал Фанис. – Анюта, девочка, посмотри на себя, ты же превратилась в калькулятор. Всё время на работе, даже за завтраком ведёшь переговоры и считаешь прибыли!

– А для кого я стараюсь?! Это же всё для тебя, для нас, для семьи!

– Да нет у нас никакой семьи, – устало бросил как-то Фанис. Махнул рукой и ушёл в кабинет писать свои статейки, за которые ему платили копейки.

Там, в своём кабинете он проводил дни и ночи. Мы давно не спали вместе, мне было не до ночных забав, и потом мужа всё беспокоила навязчивая идея о ребёнке. Как бы чего не вышло.

А дела в компании казались бесконечными: ответственные переговоры, постоянный контроль над бестолковыми сотрудниками, борьба с конкурентами. Однажды я заключила очень выгодный контракт, обошла главного соперника и была абсолютно счастлива. Свою победу бурно отпраздновала с Фанисом. В тот вечер выпили не одну бутылку шампанского, смеялись, вспоминая наше прошлое житьё-бытьё. А потом муж поднял меня на руки и понёс в спальню... Беременность стала неприятной неожиданностью. Фанис умолял оставить ребёнка, никогда не видела его таким взволнованным, взъерошенным. А у меня впереди новые контракты, встреча с партнёрами в Мюнхене, Вене, а тут токсикоз. Я представила себе, как девять месяцев буду обниматься с унитазом, полгода ходить толстой и неповоротливой, словно бегемот... Когда я вернулась из больницы, Фанис молча заперся в кабинете. С тех пор мы мало виделись. Каждое утро я завтракала в одиночестве, накладывала на булку толстым слоем икру, и не понимала, почему эта моя давняя мечта так быстро приедается.

Муж ушёл от меня спустя полгода. Собрал свои вещи, компьютер, книги, оставил на столе ключи от машины. Ещё через два года я увидела его на пешеходной улице Баумана. Фанис вдвоём с какой-то серой мышью вёл за руку маленького мальчика. У мальчика были такие же синие глаза, как у Фаниса, он совсем не походил на свою невзрачную, блёклую мать. Они прошли мимо витрины дорогого ресторана, где я предавалась гастрономическим изыскам, прошли, весело болтая и смеясь так громко, что я даже сквозь толстое стекло отчётливо услышала этот смех. Он резал мою душу, кромсал на кусочки. Я выскочила из ресторана и проводила их ненавидящим взглядом. Бывший

муж, одетый в дешёвую куртку и старые джинсы, выглядел достойной парой из-бранице в безвкусном, каком-то старушечьем пальто. Но вели они себя так, словно весь мир принадлежал им, и счастье переполняло их. Был ли он когда-нибудь так же счастлив со мной?

Через неделю я завела любовника. Владик слыл настоящим мачо, с таким было не стыдно появиться в любом обществе. Повсюду я ловила на себе завистливые женские взгляды, но счастье так и не приходило, не ощущалось даже обычного удовлетворения, сплошное разочарование и пустота. Рядом не мужчина – безупречный манекен, бездушная машина, которая требовала бабок, дорогой выпивки и вскоре принялась изменять с такими же куклами-манекенами, только женского рода. Владика я выгнала, раздев его до нитки, уж это я делать умела! После него поочерёдно возникали Марсель, Радик, Антон... Всё идентично и ожидаемо. Похоже, всех мачо делают на одной фабрике под копирку.

Как-то мне позвонила мама. Она давно не беспокоила меня, и сейчас говорила тихо, но настойчиво:

– Очень плохо себя чувствую, приезжай, Мариша.

Звонок застал меня в аэропорту, у стойки регистрации, я вылетала на встречу с мюнхенским партнёром.

– Не могу, вызови скорую. Заеду, как только вернусь.

Соседка позвонила на следующий день, мама умерла ночью...

Сообщила Фанису, он всегда был близок с тещей, они друг друга понимали. Фанис пришёл на похороны со своей серой мышью. Мышь оказалась беременной. Я смотрела на неё с ненавистью и мысленно проклинала обоих. Он не должен быть счастливым без меня, всё в этом мире я когда-то делала для него, а теперь осталась одна, совсем одна...

Боли начались внезапно, не прошло и месяца после похорон мамы. Приступы глушила таблетками, иногда спиртным. Обследоваться пошла, когда уже ничего не помогало. Диагноз прозвучал

как приговор: неоперабельный рак, последняя стадия...

Открываю глаза, но смотрю не в угол, не на паутину. В дверях стоит Ангел, верней маленький ангелочек. На нём белый халат, медицинская маска, обритая головка, больничные тапки не по размеру. Оказывается, за приговорёнными к смерти от рака приходят ангелы, похожие на них. У моего ангелочка большие глаза, кажущиеся огромными от чёрных теней под ними. Лицо бледное и худенькое, и такие же худенькие, почти прозрачные ручки, которые торчат из-под закатанных рукавов халата.

– Ты кто? – еле слышно шепчу я.

– Миша.

Ангелы, оказывается, умеют говорить, или только я слышу и понимаю его. Он подходит ближе, и теперь я вижу, рядом со мной ребёнок лет пяти, худенький и маленький со смешно торчащими ушками на лысой головке.

– Где твои волосики? – спрашиваю я.

– Это после химии, – сообщает он.

Ангелы в онкологическом отделении не по-детски серьёзны. Я слышана, что такое химиотерапия, не каждому взрослому по силам перенести, как же они, маленькие? Боль начинает просыпаться в моей голове. Она, как дремлющий зверь, при первом звуке настораживается, а потом срывается с привязи и рвёт тебя на части. Я не хочу ждать, когда зверь примется терзать меня, нажимаю на кнопку звонка. Сейчас придёт медсестра и поставит укол. Я оплатила своё дорогостоящее лечение и безболезненный уход тоже, так что имею право. Ангел Миша кладёт свою прозрачную ладонь на мою голову.

– Тебе больно?

В голосе ребёнка столько искренне-го сочувствия, что слёзы накапывают на глаза. Странно, мне казалось, я давно выплакала все свои слёзы, и эмоции оставили меня, а тут...

– Возьми, это тебе. – Оранжевый апельсин ложится мне в руку. – Это солнышко, оно волшебное, оно тебя вылечит.

– Вылечит? – Я недоверчиво вдыхаю цитрусовый аромат.

Апельсин издаёт слабый аромат, но сразу вспоминается Новый год. Не тот рафинированный, корпоративный, каким он был в последние годы, а далёкий праздник детства, когда в радость всё: ёлка, подарок, блестящая мишура и оранжевое чудо из свёрнутого бумажного пакета.

– Спасибо тебе, Миша.

– Выздоровливайте, тётя.

Мы улыбаемся друг другу, и на душе становится на удивление спокойно и хорошо.

– Миша, что ты здесь делаешь? – врывается в нашу идиллию голос медсестры.

Она выпроваживает моего гостя за дверь, но он ещё успевает помахать мне тонкой ручкой на пороге. Апельсин остаётся у меня, и я прячу его под одеяло.

– Вы уж простите нас, Марианна Павловна, – торопливо оправдывается медсестра, – не досмотрели. Ребёнок, скучно сидеть на месте. Обычно он только в общие палаты ходит.

– Он мне не помешал. А что мальчик здесь делает?

– Мама его в соседней палате, она сына одна воспитывает, некому оставить, вот заведующий отделением и разрешил на свой страх и риск. Верочка у нас медсестрой работала, а тут заболела.

– А Миша?

– Миша ещё раньше. У него уже две химии было. Говорят, нужна операция, дорогая, у нас не делают, везти нужно в Израиль или Германию. А откуда у простой медсестры такие деньги. Она пыталась в фонды обращаться, к спонсорам, только везде очередь. А ребёнку в любой момент может хуже стать. Видимо, от переживаний и сама заболела. Ой, вы простите, Марианна Павловна, заболталась я, а вам укол пора делать.

– Да, конечно, делай...

После укола не заснула, не уплыла в небытие, в воспоминания. Лежала и думала, мысли будоражили всё силь-

ней, а рука под одеялом сжимала тёплый апельсин. И верно, как солнышко, только не жгучее и палящее, а ласковое, материнское...

Нянечка в коридоре удивилась, когда увидела меня бредущей к кабинету врача.

– Вы же давно не вставали, Марианна Павловна. Хотите я Сергея Леонидовича к вам позову?

– Не надо, я сама.

С головкружениями и покачиваниями добрела до кабинета лечащего врача. Доктор удивился, торопливо встал, помог присесть на стул.

– Что случилось, Марианна Павловна?

– Сергей Леонидович, скажите, во сколько обойдётся лечение Миши и его мамы за границей?

Мне некогда любоваться удивлением доктора, я спешила высказать то, что должна сказать:

– Я так понимаю, у Миши и его мамы мало времени, у меня его ещё меньше. Нужно сделать всё быстрее, найдите клинику, договоритесь об операции, пусть пришлют счёт. Я распоряджусь, и деньги переведут. Только не нужно никому говорить про меня.

С трудом выдохнула и поднялась со стула.

– Сергей Леонидович, миленький, не откладывайте дело в долгий ящик, прошу вас. И держите меня в курсе.

– Хорошо.

Он проводил меня до дверей и неожиданно поцеловал руку. Руку я отдернула. Конечно, это лишнее. У меня в компании оставались большие суммы, кому они достанутся, ведь у меня никого нет. Найдутся какие-нибудь дальние родственники, которых я не помню и не знаю, начнут делить наследство, грызться. А тут две жизни, и их ещё можно спасти. Не хочу, чтобы маленький ангел Миша стал мухой в паутине...

Наутро вызвала машину со своим водителем, с трудом оделась и отправилась на выход. Персонал больницы делал большие глаза, но не возражал,

всё-таки сумма, которую я выложила за своё содержание, внушала уважение. Богатой, смертельно больной дамочке прощался любой каприз. В офисе компании на меня взглянули, как на восставшую из гроба. Первый заместитель от неожиданности поперхнулся кофе, который вкушал, сидя в моём хозяйском кресле. Целый час я раздавала распоряжения, от которых у моих замов шевелились волосы на голове. Юридический отдел срочно готовил документы, я подписывала их один за другим. Перед уходом попросила офис-менеджера найти мне контакты фонда, который занимается сбором средств на лечение больных детей.

– Не ищи среди столичных, пусть это будет какой-нибудь местный фонд, только проверь, чтобы без афёры.

– Почему местный? – переспросила испуганная секретарша. В своё время я умела нагонять на неё страха. – Марианна Павловна, в Москве надёжней будет.

– До московских фондов наши местные детишки достучаться не всегда могут, а им помощь тоже нужна! – отрезала я. – Буду ждать твоего звонка.

В фонд, контакты которого сообщила моя офис-менеджер, я отправилась на следующий день после очередного укола. Хозяйкой фонда «Надежда» оказалась пожилая приятная женщина, скромно одетая, без изысков и маникюра. Почему-то подумалось, что такая не будет воровать у несчастных детей. Она показывала мне документы, отчёты, и я снова убеждалась, что попала по адресу. Фонду я передавала свою недвижимость и львиную долю доходов компании. Женщина долго благодарила меня, а я отмахнулась:

– Арина Николаевна, вы только помните, мои юристы будут отслеживать, куда уходят перечисляемые фонду деньги. Я не говорю о недовереии, но сами понимаете, сегодня у руля вы, завтра, может, кто-то другой. А соблазн запустить руку в кормушку велик, сами понимаете.

В узком коридорчике, где были выве-

шены фотографии детей, задержалась ненадолго, и вдруг услышала знакомый голос. Выглянула из-за угла и спряталась, как девчонка. В кабинет к Арине Николаевне зашёл мой бывший муж, так мне показалось. И я не ошиблась. Вышел Фанис минут через десять, плечи опущены, весь поникший. Таким он был, когда узнал о моём аборте.

Хозяйку фонда моё возвращение удивило:

– Что-то ещё, Марианна Павловна? Или... вы не передумали? Я понимаю, такие деньги...

– Зачем к вам заходил Фанис Булатов?

– Булатов? Так у него сын на очереди стоит. У мальчика сложное генетическое заболевание, нужна пересадка костного мозга. Они даже ребёнка второго решили родить, чтобы донор был. А там выкидыш случился, теперь отец переживает, что могут не успеть.

Я вспомнила беременную жену Фаниса на похоронах мамы, и какие проклятия мысленно посылала на её голову. В душе даже не стыд – ужас! Загубила когда-то своего ребёнка, потом незаслуженной злобой малыша второй жены Фаниса, а вскоре мой любимый мужчина, конечно, всё ещё любимый! может потерять того синеглазого сынишку, свою маленькую копию, продолжение. Думала недолго.

– Арина Николаевна, можно ли это му мальчику помочь сейчас?

– Почему нет? С вашими жертвованиями несколько деток уже на днях могут отправляться на операцию, а Тимурчик на очереди в числе первых. Вы извините, а Булатовы вам знакомыми приходятся?

– Он – мой муж. – Случись подобная ситуация месяц назад, я бы и объяснять не стала, а сейчас пояснила, возможно, для себя в первую очередь: – Бывший муж.

Бывший муж, это кого принято ненавидеть или презирать, у редких пар после развода остаются тёплые отношения. Раньше я считала Фаниса предателем, ничтожеством, у которого не

хватило силы воли поддержать жену в её делах, в стремлении сделать совместную жизнь лучше. Как это глупо и мелко выглядело сейчас: мои дела, мои стремления. Тщеславное желание обойти всех, нагрести больше денег, купить и приобрести всё самое дорогое и лучшее. Зачем мне это всё Там, Наверху?

Звон колоколов услышала издали, видимо, какой-то православный праздник. Стыдно, что даже не знаю – какой. Обращалась к Нему в те редкие моменты, когда очень хотелось чего-то получить, кого-то обойти. Покупала самую толстую, дорогую свечу, а потом перед иконой перечисляла деловито, как по списку, всё желаемое. Не просила здоровья близким, мира и покоя в душе. Почему ничего нельзя вернуть назад: ни маму, которая не видела меня месяцами; ни мужа; ни того, нерождённого ребёнка?

В сумочке нашёлся шёлковый шарф, накрыла голову и зашла под высокий свод, перекрестившись. Долго стояла с зажжённой свечой в руках. Тёплый воск капал на руки, на рукав плаща, никогда не думала, что свеча умеет плакать. В церкви она плачет за нас, за покаявшихся грешников, за прощённых и не прощённых. «Поплачь и обо мне, Свеча!» Тёмный лик богородицы с младенцем на руках, и глаза, которые заглядывают в душу. Хотела помолиться, но слов не нашлось, впервые оставила свечу без просьб, просто так. Подумала, покидая пропахший ладаном и воском церковный зал: «Вот и всё, теперь можно идти умирать, ждать конца, примирившись с самой собой...»

Сергей Леонидович в палату зашёл рано утром, видно, опасался не застать беспокойную пациентку, хотя последние две недели я больницу не покидала.

– Марианна Павловна, вам сегодня назначены анализы и новые обследования.

– Зачем, Сергей Леонидович? Всё и так ясно. Вы не смотрите, что у меня румянец появился и сил прибавилось.

Я действительно, чувствую себя гораздо лучше, но ведь так бывает перед самым концом. Не так ли?

Мой доктор отвёл взгляд. Зачем? Я уже научилась смотреть правде глаза и не ждала от него утешительной лжи.

– И всё же надо всё пройти заново.

– Ну, хорошо.

В конце концов, я закончила с земными делами, почему бы не позволить милому доктору думать, что он сделал для меня всё, что в его силах. Обследования я прошла, но оставаться в этих застывших стенах больше не могла, решила дожить последние дни в маминной квартире. Это была единственная недвижимость, которую оставила для себя, последний приют. Пообещала Сергею Леонидовичу подъехать завтра, узнать результаты обследования, поставить укол, хотя боли почти не чувствовала.

В маминной постели спала, как дитя, давно не помнила такой ночи, без сновидений, мучений и тяжких мыслей. Утром в клинике первым делом отобрала у санитарки швабру. В опустевшей палате, где провела много дней, взглянула на злополучный угол. Не хотелось никому другому оставлять паутину с мёртвой мухой, никому не желала этих страшных, безысходных мыслей.

– Тётя Маша, а паутина где? Она здесь висела.

– Какая паутина? Да, бог с вами, Марианна Павловна, – взмахнула руками женщина. – Меня за такую грязь с работы бы попёрли!

Я посмотрела на стерильно белый угол и пожала плечами. Сергей Леонидович, услышав мой голос, выскочил из кабинета. В таком волнении своего доктора я видела впервые.

– Марианна Павловна, вам срочно нужно сделать МРТ!

– Зачем?

– Не хочу ничего говорить заранее, что-то непонятное с анализами. Прошу вас, сделайте прямо сейчас, там уже ждут, я договорился.

Я смертельно устала от этих бесконечных обследований. Ну, что ещё они хотят увидеть? Может, меня уже не должно быть? Но ноги покорно побрели к соседним дверям, странная и непривычная для меня сговорчивость.

Результаты вышла ждать в больничном садике. Птицы галдели во дворе. Весной, пробуждением, жизнью пахло отовсюду. Устроилась на скамейке, полезла за телефоном, но рука наткнулась на что-то круглое. На свет извлекла оранжевый апельсин, подарок Миши. «Это солнышко, оно волшебное, оно тебя вылечит». Улыбаюсь наивности маленького ребёнка и его безграничной вере в чудо. Подношу апельсин поближе, чтобы вдохнуть аромат, и вдруг понимаю, что хочу его съесть. Удивительно, последние пару месяцев у меня нет аппетита, один вид еды вызывал отвращение. А сейчас даже под ложечкой засосало, забытое и оттого удивительное чувство голода. С наслаждением вгрызаюсь в ароматную плоть, сок течёт по рукам, вкусно так, как не бывало никогда в жизни. Я гляжу в сияющую голубизну неба: «Господи, как же хорошо!»

На третьем этаже в кабинет моего доктора вносят результаты МРТ. Я далеко от него и не вижу изумлённой улыбки на лице Сергея Леонидовича, там произошло что-то невероятное, неподвластное никаким законам, диагнозам, предположениям. Я ничего не знаю об этом, не верю в чудеса, но закрываю глаза и вижу маленького Ангела, идущего по длинному больничному коридору. Он движется бесшумно, со светлой улыбкой на губах, невидимый для простых смертных. Он выбирает дверь, куда войдёт в следующий раз...